

ОГЛАВЛЕНИЕ

Начало длинной истории:	
две пары	3
Люди из «Лагеря девять»	39
Мечты о рае	51
Трое мужчин	70
То, что внутри меня	88
Время, когда зреет папайя.....	96
Хило — край возможностей	122
Стелла влюбилась	139
Жаждущие	173
Глядя вдаль.....	188
В бездну.....	201
Время дрейфа	216
Калопапа, Долина смерти.....	226
Возвращение Сунре	234
Новая карма	251

Письмо	276
Мужчина с материка.....	281
Махало Нуи (прощание).....	299
Между любовью и человеком	319
Пути любви	335
Горькое счастье в общине	355
Среди множества имен	369
От автора	378

НАЧАЛО ДЛИННОЙ ИСТОРИИ: ДВЕ ПАРЫ

Сойдя с поезда, мы направились на видневшийся вдали свет. Маленькие, словно спелая хурма, огоньки хаотично мерцали. Ветер то и дело колыхал листву, хлестал по ногам. Почувствовав наше присутствие, птицы испуганно разлетелись.

Ночь была безлунная. Иногда мы останавливались, чтобы оглядеться по сторонам. В воздухе повеяло прохладой — по затылку пробежал холодок. Сладковатый аромат цветов и трав щекотал кончик носа: запах был приятным и свежим. Казалось, он не может надоест никогда. Меня снова привела в трепет одна лишь мысль о том, что мы прибыли на Пхова¹, где все цветет круглый год, а фрукты сами валятся с деревьев.

Мы молчали всю дорогу, будто заранее договорились об этом. Первым тишину нарушил, обернувшись к остальным, Сангхак:

¹ Китайский иероглиф, обозначающий Гавайи.

— Мы почти на месте. Лагерь построен прямо на ферме, он девятый по счету. Его так и называют — «Лагерь девять». — Махнув в сторону мигающих огоньков, он повернулся ко мне.

— «Лагерь девять», — пробормотала я тихо.

Раз за разом я повторяла эту фразу, будто пытаясь расprobовать на вкус, но она не вызывала внутри никаких особых ощущений.

Еще какое-то время мы шагали. Красноватые огни становились все ярче, а лай собак слышался все отчетливее. Было интересно и удивительно поглядеть на людей, живущих в этом месте. Прохладный ночной воздух овевал влажную от пота шею. Возможно, мы слишком долго шли пешком, и теперь наши шаги замедлились, а волнение постепенно исчезло.

Мы очутились во дворе «Лагеря девять» еще до того, как осознали это. Позади него стоял невысокий холм, отгораживающий лагерь будто черным занавесом, а вокруг большого двора выстроились деревянные дома.

Мы подошли ближе. Некоторые дома, похоже, пребывали в плачевном состоянии. В местах, где их внешние стены обрушились, сгущался мрак неведомой глубины. Было темно и очень влажно. Я почувствовала, как заныли лодыжки. Еле ощутимое тепло поднималось и затопляло ночное небо над «Лагерем девять».

Тусклый свет из окон освещал темноту, когда мы пересекали просторный двор. Мой слух улавливал знакомые слова, слышавшиеся то тут, то там. Раз-

дался детский плач, потом кашель, и я подумала, что это место уж слишком напоминает родной дом. Запах знакомой еды, звон тарелок: я наконец осознала, что здесь живут и другие корейцы. И ощутила, как потяжелела сумка в моих руках.

Мы приблизились к дому с деревянной лестницей. Возможно, именно здесь мы и останемся. Лестница состояла из пяти ступенек. Соседние дома выглядели точь-в-точь как наш. По двум входным дверям рядом друг с другом в конце лестницы можно было догадаться, что дом рассчитан на две семьи.

Чансок бросил окурок в сторону леса. Маленькая вишневая искра пронеслась сквозь тьму. Наен, стоявшая столбом, испуганно отшатнулась. Не интересуюсь, о чем мы думаем, Чансок схватил наши сумки и первым поднялся по лестнице. Ступеньки отзывались на каждый его шаг громким скрипом.

— Входите, — произнес Сангхак, поглядев на нас.

Наен была полна сомнений и преодолевала лестницу очень медленно.

Комната оказалась меньше, чем я ожидала, и выглядела так, будто в ней давно никто не жил. Сырой, затхлый запах и тусклый едва различимый свет обретали облик моей будущей жизни. В углу комнаты стоял небольшой письменный стол и лежал матрас.

Чансок небрежно бросил в угол сумку, которую держал в руках, и сел. Внезапно я услышала такой звук, будто кто-то резко накинул капюшон. Начался сильный ливень. Наен и Сангхак, которые неуверенно стояли снаружи, быстро вбежали в комнату.

Липкий пот каплями покрыл шею. Сам воздух был влажным. Распахивать окна и двери, чтобы проветрить, было бесполезно. По комнате разносился стук капель дождя — возможно, где-то текла крыша. Все мы, будто сговорившись, уселись, прислонившись спиной к стене. Что было невыносимее влажности, так это тишина, которая тяжело давила на плечи в и без того тесном помещении. Никто не мог заговорить первым. Если бы не шум дождя, мы отчетливо слышали бы звук собственного дыхания.

— Как хорошо, что пошел дождь, — нарушил неловкое молчание Сангхак.

Я вытерла лицо обеими руками, как будто его намочил ливень. Чансок порылся в карманах, достал сигарету и закурил.

— Ну что, пойдем? — сказал Сангхак Чансоку и встал первым.

Чансок собирался было что-то ответить, но просто встал вслед за Сангхаком и вышел из комнаты. Его лицо казалось очень темным — возможно, из-за тусклого света.

Я взглянула на Наен, не зная, последовать за ними или оставаться на месте. Наен сидела, прислонившись к стене, с закрытыми глазами. Снова повернув голову, яглянула из окна. Было видно, как Сангхак и Чансок исчезают в темноте под дождем. Я безучастно наблюдала за этим. Дождь становился все сильнее и сильнее. «Как же сахарный тростник выдержит такой ливень?» — вспомнила я поле, которое видела по дороге из окна поезда.

Поезд медленно двигался на запад. Небо за окном наливалось темным закатом, похожим на красное шелковое покрывало, снизу подбитое голубым. Из окна виднелись леса, горы, моря и поля сахарного тростника, о которых раньше я только слышала. Будто длинный кушак, море продолжалось там, где заканчивались горы, а когда кончалось море, начинались поля тростника, пугающие меня. Все это сливалось в один большой зеленый ком. Мне было сложно поверить в то, что море могло быть таким огромным.

Не знаю, кто сказал, что Пхова — маленький остров. У меня было ощущение, будто я направляюсь в другой мир. Нет, точно: это так и было. И всего через несколько дней мое ощущение иного мира подтвердилось, когда суровая зима сменилась разгаром лета. Я была благодарна этому тихо идущему поезду за все.

Я еще раз окинула взглядом комнату. Кто мог ютиться в этой крохотной душной комнатушке? Что за люди живут в этом лагере? Смогу ли я увидеть их лица утром? Внезапно во мне словно разорвался снаряд с бесчисленными вопросами.

Наен все еще сидела у стены с закрытыми глазами.

— Эй, ты спиши?

Услышав мои слова, Наен открыла глаза. Она както вяло выпрямила ноги, затем повернулась, открыла сумку и начала рыться в поисках чего-то.

— Сплю-сплю, Канхи.

Наен отпихнула сумку и потянулась за лежащим в углу одеялом. Было заметно, что все вокруг раздражает ее.

— Не думаю, что смогу уснуть этой ночью, — проговорила я дружелюбно.

— Да уж, холостяцкое жилище... От этого одеяла разит одиноким мужиком.

Наен нервно пнула одеяло, а потом и вовсе улеглась на пол без него.

— Мужиком?

Мне захотелось узнать, что она имеет в виду, поэтому я подтянула одеяло к себе и поднесла к носу. Рыбный и сырой запах, как по мне, ничем не отличался от запаха в комнате.

— Разве это не запах дождя?

Наен ничего не ответила, отвернувшись к стене.

Когда шум ливня утих, вокруг воцарилась тишина. Куда ушли эти двое? У меня не получалось лежать спокойно. Я то и дело ворочалась, а в голову лезли всякие мысли. Это была одна из тех ночей, когда утомлен так, что не можешь уснуть. Видя, как крутится с боку на бок Наен, я подумала, что она чувствует то же.

— Поезд... Мы будто только что ехали в поезде, верно?

Наен не ответила. Грубо с ее стороны.

Долгий многодневный путь, приведший нас в «Лагерь девять», разворачивался у меня в памяти.

По прибытии в порт Гонолулу мы сначала прошли общий медосмотр. Пять человек, включая меня и Наен, были помещены в карантин из-за высокой температуры, болей в животе и сыпи. У меня покраснел один глаз, а Наен постоянно жаловалась на проблемы с желудком. Пока люди с парома один

за другим покидали порт, нас пятерых перевели в медицинский центр рядом с иммиграционной службой.

К нам пришла медсестра — европейской наружности, в белом фартуке, с пакетом воды и таблетками. Она вытянула три пальца и сделала вид, что кладет таблетку в рот. С первого же дня приема лекарств мой недуг сошел на нет. То, что говорили о западной медицине, оказалось правдой: она хороша. Наен же просто была изнурена тяжелой морской болезнью.

— Все меня бесит, и брак этот тоже.

Она сбросила одеяло, которым укрывалась, и села.

— Тебе полегчало, да?

— Меня замутило еще в тот момент, когда мы только сели на паром. А голова кружилась, даже когда мы уже сошли с него... Не подходит мне этот остров.

Бледное лицо Наен осунулось еще больше.

— И кто был прав с самого начала?

Я встала и широко распахнула окно. Духота только усилилась и пахнула в лицо. Но воздух не был ни липким, ни затхлым. Неподалеку виднелось море. Там, где вода отступала, вместо рыбной отмели лежал ослепительный песчаный пляж, настолько не-настоящий, что, казалось, наступи на него, и он провалится. Удивительно: за все время над водой не пролетело ни одной чайки.

— Этот остров слишком чист, чтобы на нем могли жить водоплавающие птицы, — взволнованно пробормотала я.

Вдоль песчаного пляжа рядом росли высокие и тонкие деревья. Каждый раз, когда дул ветер, их опасно раскачивало из стороны в сторону, но они держались крепко. Потрясающий вид заставил меня ахнуть. Листья были достаточно широкими и длинными и идеально подходили бы для веера. Присмотревшись, я увидела плоды размером с детскую голову. Все вокруг потрясало меня.

Я взглянула обратно вглубь палаты, щурясь от солнечных лучей. На стенах были развешаны плакаты с надписями на неизвестном мне языке. Были тут и медицинские листовки. Видимо, с информацией для вновь прибывших на остров — о том, с чем быть осторожнее. Похоже, нам многое предстояло изучить.

Питание в больнице всегда было одинаковым, за исключением завтрака: кусок рыбы или мяса подавали с миской риса в бульоне, в котором варились мясо. Жирный и соленый бульон. Нарезанные овощи в супе имели необычный вкус, но он меня не раздражал. Я была рада возможности есть мясо или рыбу и на обед, и на ужин, хотя и перестать думать о кимчи у меня не получалось.

— Разве не странно, что люди даже в таком далеком месте питаются рисом?

— Я разочарована. Это далекое место ничем не отличается от того, где мы жили раньше. — Сказав это, Наен все-таки опустошила тарелку: вероятно, потому, что это была ее первая за сутки еда.

Затем она отряхнула пыль с носков-посон и своих соломенных туфель. Но и после этого ее как будто